

**Драгоманов Михаил Петрович,
Антонович Владимир Бонифатьевич.**

**Исторические песни
малорусского народа С
объяснениями Вл.
Антоновича и М.
Драгоманова**

**Том 2. Вып. 1. Песни о борьбе с
Поляками при Богдане
Хмельницком**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Д72

Д72 **Драгоманов Михаил Петрович**
Исторические песни малорусского народа С объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова: Том 2. Вып. 1. Песни о борьбе с Поляками при Богдане Хмельницком / Драгоманов Михаил Петрович, Антонович Владимир Бонифатьевич. – М.: Книга по Требованию, 2022. – 180 с.

ISBN 978-5-518-05702-9

ISBN 978-5-518-05702-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Второй томъ издаваемаго сборника долженъ обнимать 2-й и 3-й отдѣлы II части, т. с. *пѣсни вѣка козацкаго: о борьбѣ съ Поляками при Хмельницкомъ и пѣсни о гетманщинѣ съ 1657 по 1709 годъ*. Онъ былъ приготовленъ къ изданію еще осенью прошлаго года. Но въ это время въ распоряженіе издателей поступила огромная масса пѣсенъ разнаго рода изъ рукописей М. А. Максимовича, А. В. Марковича, Д. С. Носа, Манджуры, Л. С. Мацѣевича и М. А. Ганицкаго, А. О. Шевченка, Ст. Стрѣльбицкаго, Я. Новицкаго и др.

Пѣсни эти разобраны по отдѣламъ и переданы для обработки и изданія въ Юго-Западный отдѣль Импер. Р. Географ. Общества, кромѣ пѣсень *политическихъ, или историческихъ*, которыя пріобщены къ готовой уже коллекціи нашей. Сведеніе вмѣсто бывшихъ у нась уже варьантовъ съ новопоступившими требуетъ столь мелочнай и кропотливой работы, что мы рѣшились издать второй томъ по частямъ, чтобъ не задерживать готоваго уже въ типографскихъ складахъ, тѣмъ болѣе, что каждая часть имѣеть и самостоятельный интересъ.

Въ настоящемъ выпускѣ читатели имѣютъ, такимъ образомъ, *пѣсни о борьбѣ съ Поляками при Хмельницкомъ*. Сословно-козацкіе, религіозные, національные и народно-экономическіе мотивы этой борьбы достаточно

известны и неспециалистамъ. Борьба началась не при Хмельницкомъ, а гораздо раньше. Но любопытно, что народная память не сохранила намъ вовсе пѣсень о чисто-козацкихъ восстаніяхъ противъ Поляковъ, имѣвшихъ цѣлью добыть реестровымъ козакамъ права шляхтичей, а нереестровымъ права первыхъ, каковы были восстанія Коссинского (1592), Лободы и Наливайка (1596) и даже послѣдующихъ: 1620 г., восстаніе Тараса Трясила (1630), Павлюка (1637), въ которыхъ уже соціально-крестьянскій элементъ сталъ принимать большое участіе, ни даже о восстаніи Острянина и Гуни (1638), уже чисто крестьянскомъ. Не сохранилось и пѣсень о такомъ лицѣ, какъ гетманъ запорожскій Петръ Сагайдачный, (1606—1622), при которомъ козачество рѣшительно вступаетъ въ дѣло религіозной борьбы противъ Унії.

Всѣ пѣсни о борьбѣ съ Поляками отъ временъ Наливайка до Хмельницкаго, помѣщенные въ сборникахъ Срезневскаго (Запорожская Старина), Максимовича (см. особенно сборникъ 1834 г.), Метлинскаго и др., и много рукописныхъ, которыхъ мы нашли въ бумагахъ Максимовича и Мартынова, кажутся намъ, послѣ приложения критики, поддѣльными. Таковы, напр.:

1) Дума о смерти Богданка и о дарахъ Стефана Баторія козакамъ,—въ которой высказываются новѣйшія желанія польской шляхты о союзѣ съ козаками противъ Москвы (Запор. Старина, 77).

2) Цѣлый рядъ думъ о Наливайкѣ—„Кравчинѣ“ въ Запор. старинѣ и у Максимовича 1834.

3) О Чураѣ—тамже.

4) О Сулимѣ и Лободѣ—тамже.

5) Дума о трехъ полководцахъ—тамже.

6) О кошевомъ Тетерѣ и его сынѣ.

Подробные доказательства иенародности этихъ думъ и пѣсень будуть, какъ сказано въ предисловіи къ первому тому, приложены въ концѣ изданія вмѣстѣ съ заподозрѣнными думами и пѣснями. Общія соображенія о такихъ думахъ и пѣсняхъ высказаны въ пред. къ I тому; много вѣскихъ замѣчаній по этому предмету находится въ статьѣ г. Костомарова. (Вѣстн. Евр.. 1874 г. кн. XII).

Только изъ временъ Хмельницкаго, когда возстаетъ противъ польскихъ порядковъ масса народа, по причинамъ соціально-экономическимъ, когда широко по обѣ стороны Днѣпра вспыхнула крестьянская война противъ шляхетско-жидовскаго хозяйства—до насъ дошло много несомнѣнно-народныхъ не только пѣсень, но и думъ. Думы, по всей вѣроятности, обязаны первоначально своимъ происхожденіемъ козакамъ, но думы временъ Хмельницкаго приняли сильно крестьянскій характеръ. Въ сферѣ чисто-козацкихъ да религіозныхъ интересовъ вращаются только думы о Хмельницкомъ и Барабашѣ, о походѣ въ Молдавію да о смерти Хмельницкаго. Въ остальныхъ выступаютъ на видъ общенародные соціально-экономические интересы, къ которымъ привязаны національные (слабѣ) и религіозные (сильнѣ). Любопытно, что болѣе козацкія думы отражаютъ въ себѣ и болѣе неприкрыто грабительскаго побужденія (№ 1, 2, ст. 164, В, 135. № 14). Пѣсни же, какъ общенародная, а не кобзарская только форма поэзіи, прославляютъ преимущественно Перебійоса и Нечая, какъ наиболѣе ревностныхъ защитниковъ крестьянскихъ интересовъ среди сподвижниковъ Хмельницкаго.

При такомъ, преимущественно соціально-экономическомъ характерѣ народныхъ пѣсень и даже думъ о времени Хмельницкаго, — государственная сторона со-

бытій этой эпохи оставлена народомъ безъ вниманія до такой степени, что даже о переходѣ Малороссіи изъ подданства королямъ польскимъ въ подданство царямъ московскимъ не осталось ни одной пѣсни. Та, которая приведена въ приложениі къ 3-му изданію „Богдана Хмельницкаго“ г. Костомарова, подъ названіемъ „При соединеніе Украины къ Россіи“ (№ 35), „Зажурилась Украина, що нігде ся діти“, — не можетъ быть, по нашему мнѣнію, отнесена къ эпохѣ Хмельницкаго. Въ ней видимъ во всѣхъ варьантахъ слова: „ой служив я бусурману, — а тепер буду служити Восточному Царю,“ — слова, указывающія на эпоху Дорошенка, который поддавался Туркамъ. Хмельницкій же не былъ слугою ни Туровъ, ни Татаръ. Притомъ же во всѣхъ почти варьантахъ этой пѣсни находится упоминаніе о Голицынѣ, что тоже говоритъ за составленіе пѣсни гораздо послѣ Хмельницкаго. Упоминаніе о засвидѣтельствованномъ актами желаніи козаковъ если не поддаться Москвѣ, то выселиться въ Московскія земли (Слободскую Украину) встрѣчаемъ только въ думѣ № 16, вар. В., ст. 38 въ такой формѣ: „звели намъ підъ москалівъ тікати, або звели намъ з ляхами великий бунт зривати!“

Но если въ народныхъ пѣсняхъ, дошедшихъ до насъ посредствомъ устной передачи, эпоха Хмельницкаго представляется намъ преимущественно въ духѣ крестьянскомъ, —то въ современныхъ ей виршахъ грамотеевъ, при всемъ сходствѣ многихъ ихъ мотивовъ и выражений съ пѣсенными, господствуетъ другой духъ: козацкій и даже мелкопляхетскій демократизмъ съ роялистическимъ оттенкомъ; выдающееся чувство здѣсь, кромѣ религіознаго и отчасти національнаго,—антипатія къ магнатству и его гордости, которая ни во что ставить и самого короля.

Вотъ почему напечатанныя у насъ въ приложеніяхъ вирши вдвойнѣ интересны: выражая взглядъ на событія тогдашнихъ козацкихъ и православныхъ мелкопляхетскихъ грамотеевъ, онѣ въ тоже время оттѣ чаютъ собственно народное отношеніе къ борьбѣ Хмельницкаго съ польскою аристократіею.

Настроеніе треть资料а тогдашняго малорусскаго общества, духовенства, выражается виршами въ честь Сагайдачнаго и драмой „Милость Божія,“ которыя мы привели здѣсь, имѣя въ виду собрать вмѣсто главнаго, что поэтически воспроизводить великую борьбу малорусскаго элемента съ польскимъ за половину XVII в., — тѣмъ болѣе, что и въ этихъ произведеніяхъ образованныхъ духовныхъ есть много общаго съ народною пѣснію. Понятно, что здѣсь на первомъ планѣ интересы религіозные, и что самая борьба Сагайдачнаго противъ Турокъ и Татаръ, а Хмельницкаго противъ Поляковъ, тутъ получаетъ религіозное освѣщеніе въ большей степени, чѣмъ въ народныхъ пѣсняхъ. Въ тоже время въ драмѣ „Милость Божія,“ видно гораздо болѣе и національнаго сознанія отдѣльности отъ Поляковъ, чѣмъ въ народныхъ пѣсняхъ и даже въ козацкихъ виршахъ. Послѣднєе впрочемъ объясняется и тѣмъ, что драма писана спустя слишкомъ семидесятилѣтней принадлежности Украины Московскому государству.

И эпоха Хмельницкаго не обошлась безъ поддѣльныхъ пѣсень. Таковы 3 думы о битвѣ Жванецкой, найденные нами въ бумагахъ Максимовича; дума о походѣ на Жолтия Воды, напечатанная въ „Ужинѣ рідного поля“ М. Г. (стр. 279); одна дума на смерть Хмельницкаго, найденная въ бумагахъ Мартынова и другая, (Ой пішла тяжка жаль недоля да по всїй Українѣ), напечатанная

въ Запорожской старинѣ. Глаже многихъ другихъ написанная дума эта, хотя и съ неправильностями въ языке (жаль женскаго, а не мужескаго рода, *радую* вм. *раджу* и т. п.) желаетъ выставить душеприкащицомъ Хмельницкаго *впнаго* Москвѣ Пушкия, а не *измѣнника* Выговскаго, какъ было на самомъ дѣлѣ и какъ говорить общеизвѣстная, напечатанная у насъ дума, (№ 18).

Въ заключеніе не можемъ не выразить нашей благодарности многочисленнымъ рецензіямъ, которыя были сдѣланы первому тому нашего сборника какъ въ нашихъ, такъ и въ иностраннныхъ изданіяхъ, и которыхъ замѣчанія были намъ полезны даже и въ томъ случаѣ, если они и не могли заставить насъ измѣнить наши выводы. Таковы въ особенности рецензіи гг. Ив. Новицкаго (Кievлянинъ 1874 № 100), Ал. Веселовскаго (С.-Пет. Вѣд. 1874 окт.), Н. П. (въ Трудахъ Киевск. дух. Академ.), галицкихъ журналовъ „Правда“ (1875 1—3 №), и „Другъ“ (1875, № 10) Н. И. Костомарова (Вѣстникъ Европы 1874 № 12), а также поправки текста и замѣчанія П. А. Кулиша въ сочиненіи „Исторія Возсоединенія Руси“, и О. Ф. Миллера въ статьѣ „Малорусскія Народныя думы и Кобзарь Осташъ Вересай“ въ „Старая и Новая Россія“ 1875, № 3. Мы были бы несправедливы, если бы не вспомнили рецензій г. в. в. въ „Rivista Europea“ (1875 № 12), и писателя, котораго анонимъ мы должны уважать въ „Saturday Review“ (1875, Май), и статьи г. Альфр. Рамбо въ „Revue des deux Mondes“ (1875, 15 Juin) *L'Ukraine et ses chansons historiques*,—которыя сдѣлали первые опыты популяризациіи темъ южнорусской народной поэзіи въ романскихъ земляхъ и въ Англіи.—

Мы очень благодарны г. Новицкому и автору рецензіи въ „Правдѣ“ за указаніе неизвѣстныхъ намъ или

появившихся послѣ печатанія нашего сборника варьянтовъ, рецензенту „Друга“ за корректурныя и діалектическія поправки¹⁾, г. Вессловскому за доказательство, что легенда о Золотыхъ Воротахъ не имѣть ни историческаго, ни специально-русскаго характера, —хотя безусловно не можемъ согласиться съ его мнѣніемъ объ исключительно христіанскомъ происхожденіи колядокъ, равно какъ и съ миѳологическимъ толкованіемъ многихъ нашихъ пѣсенъ г. Н. П.; Н. И. Костомарову за подробное обсужденіе вопроса о поддѣльныхъ думахъ и пѣсняхъ, котораго

1) Мы получили также особенно цѣнныя для насъ поправки и замѣчанія въ письмѣ отъ г. Головацкаго, касающіяся галицко-карпатскихъ пѣсенъ. Вообще мы должны замѣтить, что главная цѣль нашего сборника историческая, а не лингвистическая, и что мы лишь приблизительно передаемъ діалектическія особенности печатаемыхъ у насъ варьянтовъ. Варьянты эти, записываемые и печатаемые въ течеіи 40 лѣтъ разными шрифтами, записанные собирателями разной, большей частію невысокой степени, филологического образованія, разныхъ понятій о правописаніи, далеко не всегда могутъ быть представлены у насъ со всѣми звуковыми особенностями мѣстного произношенія. Особенно это надо сказать о галицкихъ варьянтахъ.—какъ по причинѣ разнообразія галицко-карпатскихъ говоровъ, и по разнообразію изображенія ихъ, начиная отъ польского шрифта, у собирателей, (какъ потому, что издатели, Паули, Головацкій и др.) часто сводили пѣсько варьянтовъ изъ разныхъ мѣстъ и говоровъ въ одинъ, такъ и потому, что галицкая правопись большою частію маскируетъ различные звуки: і (острое) (сівъ, сѣвъ)—ї (ідь, єдь), і (острое) и (среднее, украинское) и ю (совсѣмъ дебелое, великорусское). Вообще мы уѣдились, что, не зависимо отъ всѣхъ до сихъ поръ сдѣланныхъ сборниковъ малор. нар. словесности, имѣющихъ преимущественно бытовое и литературное значеніе, необходимо предпринять совершенно отдѣльное, специальнолингвистическое изданіе, которое бы дало образцы парѣчій и говоровъ малорусскихъ. подобное изданію Фирмениха *Deutschlands Völkerstimme*. Но для такого изданія необходимы особыя изслѣдованія, произведенныя по одному условленному плану и системѣ, за разъ, въ короткое время.—

мы могли пока только коснуться въ предисловіи ¹⁾), а также за сравнительное изслѣдованіе напечатанныхъ у насъ варъяントъ думъ о Самойлѣ Кішкѣ, Марусѣ Богуславцѣ и Иванѣ Богуславцѣ съ тѣми, которые были въ исключительномъ распороженіи г. Костомарова. Мы считаемъ только необходимымъ въ отвѣтъ замѣчанія г. Костомарова относительно выбора и раздѣленія нами пѣсень, сказать, что, какъ это оговорено нами въ предисловіи къ I тому, предметъ нашего сборника составляютъ только пѣсни, обнимающія исторію *общественного быта, или политической*, — иначе намъ пришлось бы издать всѣ пѣсни малорусской, такъ какъ всѣ онѣ составляютъ матеріяль для исторіи какой нибудь стороны быта: религіозной ли, семейной ли, личной и т. п. Считаемъ также необходимымъ сказать, что разборъ рукописей, доставленныхъ послѣ напечатанія I тома, убѣдилъ насъ въ томъ, что помѣщенный тамъ варъянтъ думы объ Иванѣ Богуславцѣ вовсе не есть записанный дословно изъ устъ пѣвца, а весьма вольная передача по памяти, слѣпленная этнографомъ. Такимъ образомъ пока остается единственнымъ подлиннымъ варъянтомъ этой думы изложенный въ вышеупомянутой статьѣ г. Костомарова и сообщенный ему проф. А. А. Котляревскимъ изъ собранія И. П. Котляревскаго.

Упоминаніе объ этомъ собраніи заставляетъ насъ сказать два слова еще объ одной рецензіи на I томъ

¹⁾ Разсмотрѣніе нами черновыхъ бумагъ и переписки многихъ собирателей прежняго времени еще болѣе убѣдило насъ въ справедливости нашихъ и г. Костомарова соображеній о томъ, какъ безцеремонно, особенно въ 30-е годы многие даже почтенные „собиратели“ исправляли народныя пѣсни и думы и выдавали сочиненные за народныя.—

нашего изданія, о которой иначе не слѣдовало бы говорить, такъ какъ весьма трудно понять, какихъ *теоретическихъ* цѣлей желалъ достигнуть авторъ ея. Это рецензія въ „Голосѣ“,—въ которой между прочими намъ дѣлается упрекъ за неправильное заявленіе о томъ, что будто намъ передали свои собранія Н. И. Костомаровъ и П. А. Кулишъ,—между тѣмъ какъ г. Костомаровъ забылъ передать намъ тѣ варьянты, о которыхъ говорить въ „Вѣстникѣ Европы“, а г. Кулишъ печатаетъ цѣлый свой сборникъ въ приложеніи къ „Исторіи Воссоединенія Руси“. —Г. Костомаровъ не забылъ передать намъ своихъ варьянтовъ,—а не передать намъ тѣхъ, которые были даны исключительно въ его пользованіе, и не для напечатанія, проф. Котляревскимъ; г. же Кулишъ напечаталъ въ „Ист. Восс. Гуси“, вовсе не свой сборникъ, а нѣсколько пѣсенъ и думъ, какъ образцы,—при чемъ береть ихъ не только изъ прежнихъ сборниковъ своихъ,—которые онъ предоставилъ намъ,—но и изъ нашего изданія, въ чёмъ могъ бы легко убѣдиться рецензентъ, если бы онъ сколько нибудь внимательно взглянулъ на изданія г. Кулиша и наше.

Два изданія теперь отдѣла пѣсенъ козацкаго вѣка (о борьбѣ съ Турками и Татарами и о борьбѣ съ Поляками при Хмельницкомъ) заключаютъ въ себѣ почти всѣ лучшіе образцы специальной малорусской формы народной поэзіи кобзарскихъ *думъ*. Думы эти возникли и развились въ тотъ періодъ, когда явно выступили характеристическія черты малорусской народности¹⁾. Любопытно,

¹⁾ Первое упоминаніе о нихъ находитъ у польского историка Сарницкаго изъ начала XVI в., а именно въ его *Annales, sive de origine*

что лучшіе образцы думъ относятся къ явленіямъ борьбы за два послѣдовательно возникшіе интересы народа: 1) оградить себя и свою землю отъ простѣйшей, грубѣйшей формы эксплуатациіи ихъ чужими, Турками и Татарами, эксплуатациіи международной, въ видѣ захвата въ рабство въ плѣну; 2) оградить себя отъ эксплуатациіи болѣе сложной, въ своей землѣ, чужими, засѣвшими въ этой землѣ, Поляками (жолнерами и шляхтою) и евреями, и своими, превращавшимися въ польскую шляхту,—т. е. отъ эксплуатациіи внутренней, національно-сословной. Лучшая дума дальнѣйшей эпохи тѣсно примыкаетъ къ этимъ послѣднимъ: это дума о томъ, какъ запорожскій гетманъ, представитель *голоты*, Ганджа Андыберъ, побилъ гордыхъ *дуковъ-сребляниковъ*, дума, изображающая реакцію козацкой массы противъ своей старшины, которая начала выдѣляться въ привилегированное сословіе и вмѣстѣ съ тѣмъ терять и черты народности. Такъ какъ эта новая реакція противъ внутренней сословной эксплуатациіи должна была идти противъ людей одной съ массою вѣры и сначала одного языка, то и не приняла того широкаго характера, какимъ отличалась прежняя, а потому, можетъ быть, не дала такого количества думъ, какъ прежнія, противутурецкая и противпольская. Къ тому же въ скромъ времени Малороссія явилась теперь раздѣленною.

et gestis polonorum et lituanorum (1587), VII, p. 379 подъ 1506 г. читаємъ: Per idem tempus duo Strussii fratres adolescentes strenui et bellicosi, a Valachis oppressi occubuerunt. De quibus etiam nure elegiae, gua *Dumas russi vocant*, canuntur, voce lugubri. et gestu canentium se in utramque partem motantium id, quod canitur, exprimentes; quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit.